

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

©2003 О.И.Ефимова

Ульяновский государственный университет

Результаты нашего сложного исследования показывают, что самоубийство в его каждой форме - биосоциальное явление, которое объединяет много социальных, культурных и психологических переменных. Результаты широкого опроса позволили нам идентифицировать характеристики группы с высоким убийственным риском. Эти характеристики - следующее: фактор возраста, фактор рода и одиночество. Люди от группы риска испытали различные потери в течение прошлых лет. Один из существенных факторов - «Неудовлетворение его или ее прошлая и настоящая жизнь».

Исследование структуры самоубийства доказывает, что самоубийцы часто не имеют никакой цели жизни. Они не рассматривают их собственную жизнь как значащий процесс. Они думают об их собственной неспособности влиять на их жизни или думать, что такое управление абсолютно невозможно.

Мы исследовали, как система близких отношений влияла на личный способ вести себя в трудных ситуациях. Согласно результатам этого исследования самоубийственное поведение главным образом определено противоречивым стилем воспитания.

Одной из важнейших проблем, как в научном, так и в практическом плане, является исследование суицидальной активности как форме девиации личности в различных социальных группах, факторов ее определяющих и выявлении наиболее дезадаптивных в этом смысле категорий населения. Принимая во внимание междисциплинарный характер проблемы самоубийства, мы убеждены, что сам по себе феномен суицида является результатом воздействия множества социокультурных и психологических факторов, характеризующих пространство «общество – микросоциум – личность». Никто не будет спорить, что суицидальный акт представляет собой сугубо индивидуальное действие, и только сам человек принимает решение об его осуществлении, но не принимать во внимание влияние на суицидальное поведение социальных факторов было бы неправомерно. В связи с этим комплексный подход к изучению суицидальной активности, на наш взгляд, должен включать в себя изучение как социологических, так и социально-психологических и индивидуально-психологических аспектов.

В силу своей молодости суицидологическая мысль в России пока еще не отве-

тила на ряд важнейших для понимания феномена суицидального поведения вопросов: какие факторы (экономические, культурно-исторические, этнические и др.) влияют на распространенность суицидального поведения; каким образом следует выявлять наиболее опасные в плане самоубийств контингенты населения; каким образом получать достоверные сведения о незавершенных самоубийствах. Значимость исследований суицидальной активности населения тем более повышается, если принять во внимание тот факт, что современные социальные службы мирового сообщества выдвигают задачи снижения общего числа суицидов на 15% в следующем десятилетии. И если в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург и др.) исследования суицидальной активности осуществляются, то средние города российской провинции, где данная проблема достаточно остра и имеет свою специфику, обойдены вниманием ученых.

В то же время проблема суицидального поведения становится все более актуальной, о чем свидетельствуют сухие цифры. В 2002 г. в целом по России покончили жизнь самоубийством 60 000 человек, что соответствует населению небольшого города. Анализ статистических данных по Улья-

новской области за последнее десятилетие показывает, что до 1991 года шло плавное снижение показателей суицидальной активности, рост показателей начался с 1992 года. В 2000 г. показатель завершенных суицидов составлял 29,4 человека на 100000 человек. В целом покончили жизнь самоубийством 440 человек, из них мужчин – 386. Мужские самоубийства в целом по области превышают женские в 8,8 раза. Треть мужчин самоубийц приходится на возраст от 30 до 49 лет. Показатели завершенных суицидов на 36% превышают показатели убийств.

В данной статье мы решили представить результаты эмпирических социолого-психологических исследований суицидальной активности населения в г. Ульяновске, выполненных с 1993 по 2003г. под руководством Ефимовой О.И.

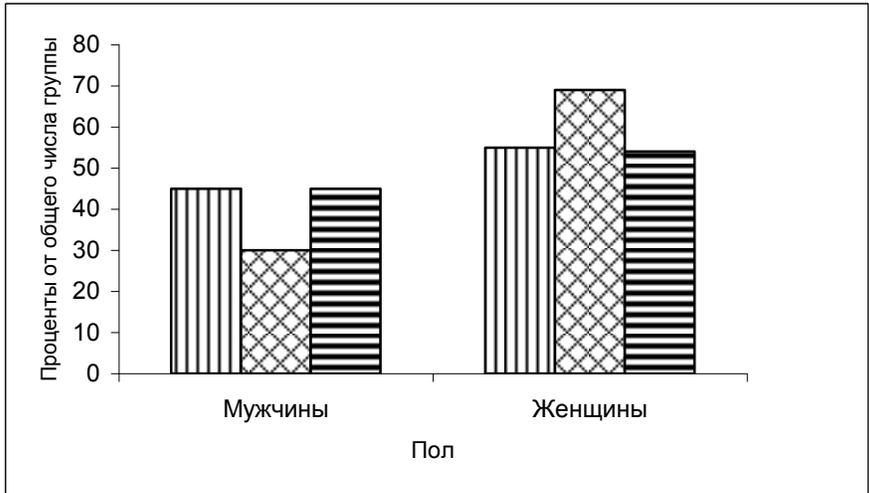
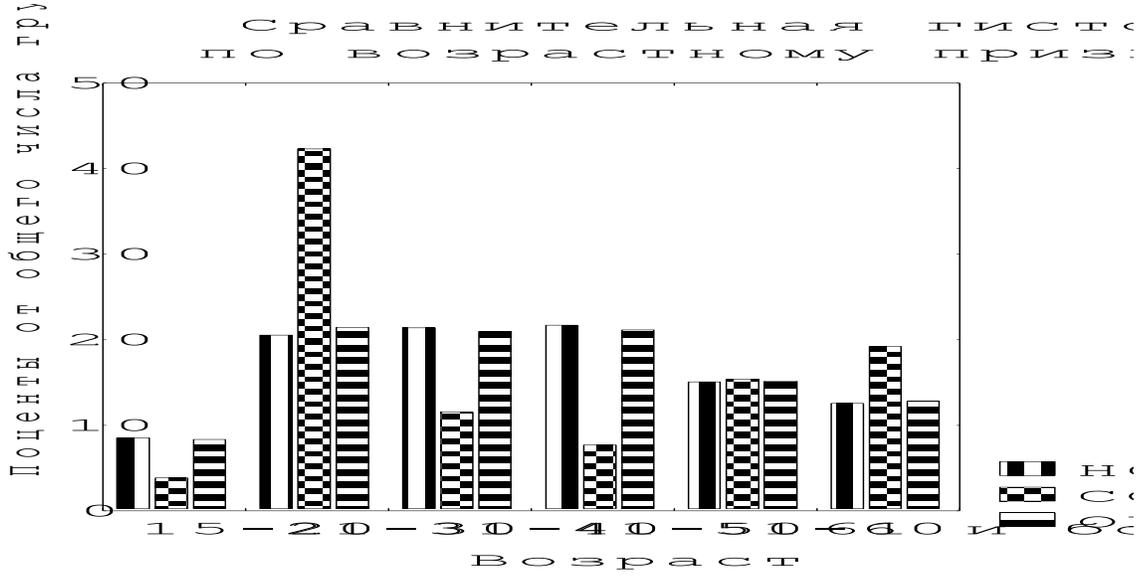
Исследование социокультурных факторов суицидальной активности проводилось в г. Ульяновске в 2001 году. Общий объем выборки составляет 647 человек, отобранных случайным методом по половозрастным квотам. В качестве показателей, косвенно подтверждающих суицидальную готовность человека, выступали такие показатели как:

- допустимость и оправданность суицида как одного из способов решения жизненных проблем;
- сочувственное отношение к людям, совершившим самоубийство;
- присутствие суицидальных мыслей у самого респондента.

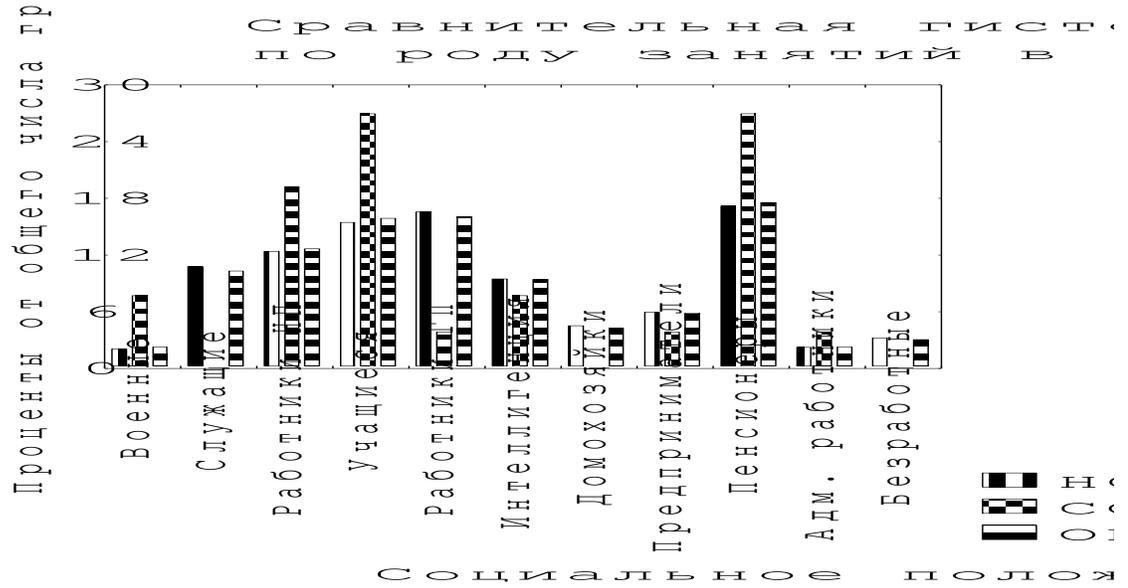
Наличие данного проблемного блока позволило нам, во-первых, выявить масштабность суицидальной готовности, во-вторых, определить те социальные признаки, которые отличают данную группу респондентов, условно обозначенную нами «*суицидоориентированные*», а, в-третьих, установить зависимость суицидальной готовности от ряда деструктивнодействующих социальных факторов.

В контексте проблемы суицидального поведения мы решили представить полученные результаты только по выделенной нами «группе риска». 23% от общего числа опрошенных (190 человек) ответили положительно на вопрос анкеты “Вас посещали когда-либо мысли о самоубийстве?”. Среди них 59% женщин и 41% мужчин. Распределение по возрастам следующее: 15 - 20 лет — 12%, 21 - 30 лет — 29%, 31 - 40 лет — 18%, 41 - 50 лет — 19,5%, 51 - 60 лет — 11,5%, 60 лет и старше — 10%. С учетом ответов на другие вопросы группа «суицидоориентированных» (далее СО) составила 26 человек или 4,01855 % от общей выборки (далее ОВ). Остальные 95,98145 % мы относим к группе неориентированных на суицидальное поведение (далее НСО). По возрастному показателю было определено 6 групп: 15-20 лет, 21-30, 31-40, 41-50, 51-60 и более 60 лет. К группе риска по данному признаку можно отнести респондентов в возрасте 21-30 лет и людей старше 60 лет, когда процентное отношение СО (42,308 и 19,231 соответственно) значительно превышает показатели в группе НСО (8,521 и 12,540) и в целом по ОВ (8,333 и 12,809). Данные результаты вполне объяснимы. Наименее социально защищенными группами населения сегодня являются молодежь, которая еще не нашла свою нишу в социуме и пожилые люди, переживающие серьезный психологический кризис в условиях политических перемен, происходящих сегодня в России. Экономическое положение по результатам анализа не играет значительной роли. Минимальные показатели в группах от 15 до 20 лет и от 41 до 50 тоже вполне очевидны. Эти группы населения сегодня испытывают меньший психологический дискомфорт, поскольку первая группа находится под опекой семьи, а люди в возрасте 41-50 лет находятся в достаточно стабильной социальной нише. Наглядно данные отношения представлены на следующей гистограмме:

Гистограмма 1

Гистограмма 2

Гистограмма 3

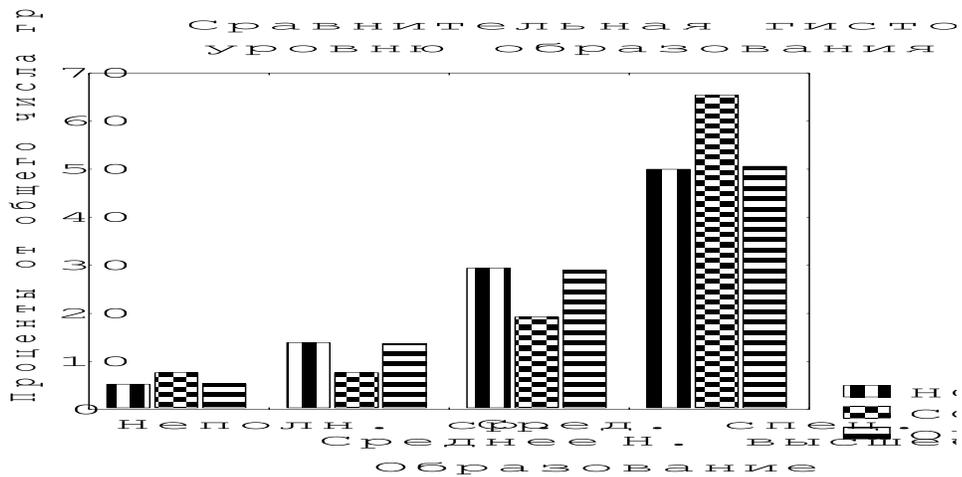
Гендерный анализ позволяет утверждать, что женщины в значительно большей степени подвержены суицидальным настроениям, чем мужчины. Всего по ОВ мужчины составили 45,216 %, то среди СО их всего 30,769 %; женщин, соответственно 54,167 % ОВ и 69,231 % СО.

Также наблюдается взаимосвязь СО и занимаемым социальным положением. Как видно на гисторамме, наибольшую долю СО составляют среди военнослужащих (7,629 % СО против 2,315 % ОВ), работников негосударственных предприятий (19,231 % СО и

12,654 % ОВ), учащихся и студентов (26,923 % СО и 15,895 % ОВ), пенсионеров (26,923 % СО и 17,593 % ОВ) и административных ботников (3,846 % СО и 2,315 % ОВ). Сегодня эти группы населения также оказались в нестабильной психосоциальной обстановке.

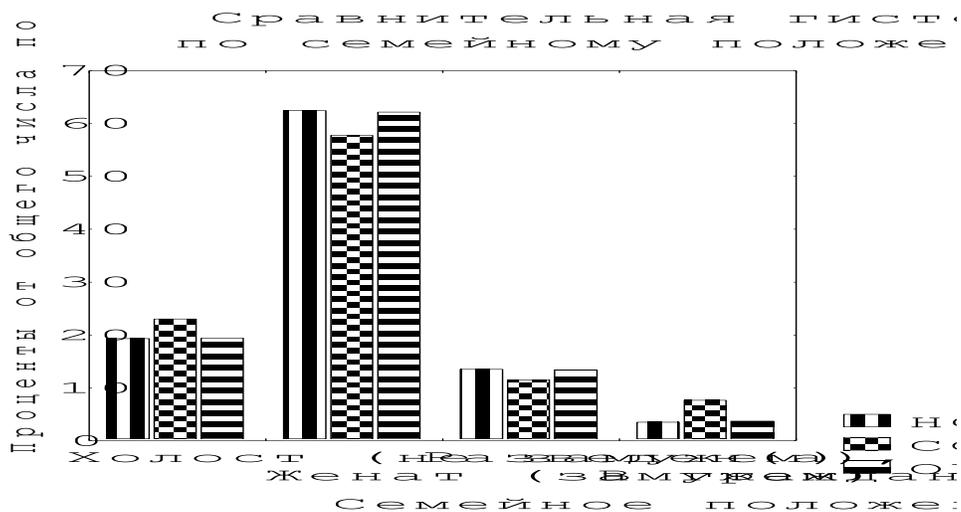
Сравнение показателей по уровню образования позволяет отнести к группе риска лиц с

Гистограмма 4

неполным средним образованием (7,692 % СО и 5,401 % ОВ), наиболее значительная группа СО находится среди респондентов с

незаконченным высшим и высшим образованием (65,385 % СО и 50,617 % ОВ)

Гистограмма 5

В ходе проведенного факторного анализа первичных данных и последующей ротации (вращения) методом Varimax normalized выделены следующие факторы: Фактор №1 «Неблагополучие»; Фактор №2 «Неудовлетворенность своей жизнью в настоящем»; Фактор №3 «Гендерные различия»; Фактор №5 «Суицидоориентированность». Углубленный (подтверждающий) факторный анализ показывает, что выделенные факторы являются устойчивыми латентными характеристиками распределения.

Социально-психологический пласт исследований (при традиционном понимании предмета социальной психологии) суицидального поведения касается в большей степени микросоциума, т.е. непосредственного окружения суицидента, чаще всего семьи. Однако еще З.Фрейд указывал, что «в психической жизни человека всегда присутствует «другой». Он, как правило, является образцом, объектом, помощником или противником, и поэтому психология личности с самого начала является одновременно также и психологией социальной (выделено нами) в этом расширенном, но вполне обоснованном смысле» (Цапкин В.Н., 1994). Эмпирические исследования социально-психологических факторов суицидального поведения, выполненный группой дипломников и аспирантов под руководством доцента кафедры социальной психологии О.И. Ефимовой, были ориентированы на изучение как особенностей системы близких отношений суицидента (М. Падун), особенностей его ценностно-смысловой сферы (Е.В.Козицына, А.Бинеман), выявлению эмпирических индикаторов успешности пост-суицидального периода (Балдуева И.), атрибутивных процессов в сложной жизненной ситуации (И.В.Михайлова, А.Плохов) и социально-психологической компетентности (Н.В.Горбоконеко).

Психологический комфорт личности во многом определяется системой близких отношений, а особенности значимых отношений личности в детстве оказывают определенное влияние на способ реагирования человека в сложных жизненных ситуациях,

в частности и на выбор суицидального решения проблемы. Отношения человека в родительской семье прямо или косвенно влияют на тот опыт, который личность привносит в свою собственную семью. Тяжелые переживания и конфликты, вынесенные из родительской семьи, переносятся в новую семью, и «остановить эту порочную последовательность в той или иной мере можно только при осознании имеющихся нарушений и волевом контроле за их последствиями» (Дымнова Т.И., 1998, с.56).

Хотя в Западной Европе и в США осуществлен ряд исследований семейных факторов суицида, среди которых отмечаются оскорбления ребенка в детстве, насилие, алкогольная и наркотическая зависимости, суицидальные попытки близких родственников (Maris R.W., 1997), однако данные исследования носят в основном социологический характер. Вместе с тем психологический анализ личности невозможен без анализа ее системы значимых отношений. Впервые данное понятие было введено в научный обиход американским психологом и психотерапевтом Х. Салливером. Хотя в своей «межличностной теории психиатрии» Салливер не дал прямого определения этому понятию, он убедительно показал: помощь или ее отсутствие, одобрение или неодобрение со стороны родителей и других значимых в раннем детстве являются основным источником уважения к себе и к другим в последующие годы, чувства полноценности или, напротив, нелюбви к себе, склонности к депрессиям» (Кроник А.А., Кроник Е.А., 1998. с. 25).

Эмпирическое исследование ряда факторов в структуре значимых отношений личности в детстве, влияющих на суицидальное поведение личности в будущем, было осуществлено под нашим руководством М.А. Падун. Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что, в отличие от пациентов с психогенными депрессиями, где отмечалось прежде всего эмоциональное отвержение со стороны родителей, на аутодеструктивное поведение

при ситуационных реакциях наиболее влияет противоречивый стиль воспитания. Анализ значимых переживаний на протяжении жизненного пути суицидентов позволил обнаружить некоторые закономерности в стиле лидерства в родительской семье: как правило, мать являлась лидером и в эмоциональной и в деловой сферах, контролируя все сферы жизни семьи. Результаты клинического интервью свидетельствуют о негативных отношениях с отцом в детстве, во взрослом возрасте эти негативные отношения воспроизводятся в отношениях с мужчинами, которых многие пациентки оценивают как источник своих тяжелых переживаний и суицидального настроения. Был получен и несколько неожиданный результат: привязанность к матери в группе суицидентов была значительно выше, чем в контрольной группе. Данный феномен был истолкован как своего рода «слияние» с матерью, которое может привести во взрослой жизни к инфантильным реакциям на кризисные ситуации, дезорганизирующим личность (Различия между данными, полученными по экспериментальной и контрольной группам, статистически значимы).

Второе исследование, осуществленное Козициной Е.В. и Бинеманом А.В., в большей степени было ориентировано на изучение ценностно-смысловых ориентаций человека, совершившего суицидальный поступок. Ядром личности, как считают многие авторы, является ее мотивационно-ценностная система или система сложившихся отношений и предпочтений к жизни в целом и отдельным сферам жизнедеятельности. Для обозначения этой ядерной структуры используются различные понятия: жизненная позиция и личностный смысл (Б.С. Братусь), иерархия мотивов и потребностей (А.Н. Леонтьев), базовые установки (В.А. Ядов), ценностные ориентации и др.

Как отмечают психологи, в основе суицидальной мотивации часто лежит утрата человеком жизненной цели или, по-другому, потеря смысла своего существования. Связь между проблемами смысла жиз-

ни и суицида обнаружил еще Н. Бердяев в психологическом этюде «О самоубийстве». Автор утверждал, что «утрата смысла жизни, крушение надежд, резкое изменение социального положения и неверие в возможность улучшить свое положение в будущем – все эти факторы благоприятствуют эпидемии самоубийств» (Бердяев Н.А., 1992, с.5). В. Франкл в своем учении по логотерапии неоднократно подчеркивает существование данной связи (Франкл В., 1992). Чудновский В.Э. рассматривая смысл жизни как «идею, содержащую в себе цель жизни человека, «присвоенную им и ставшую для него ценностью чрезвычайно высокого порядка», говорит о том, «что потеря смысла жизни может привести человека к решению покончить со своим существованием на земле» (Чудновский В.Э., 1995).

Д.А. Леонтьев, обобщая современные исследования по смысловой регуляции кризисных состояний, утверждает, что при переживании сложных жизненных ситуаций, «когда на первый план выступает драматическая смена или крушение смысловых ориентиров и всей направленности жизнедеятельности, возможность преодоления кризиса и восстановления нарушенной жизнедеятельности во многом определяется сохранностью или возможностью восстановления динамических механизмов смысловой регуляции и саморегуляции» (Леонтьев Д.А., 1999, с. 335).

Вместе с тем проведенный теоретический обзор публикаций показывает недостаточную исследованность особенностей смысловых образований у лиц, проявляющих различные формы аутоагрессивного поведения при переживании жизненного кризиса. Это и определило проведение эмпирического исследования смысло-жизненных ориентиров личности в кризисных ситуациях, в качестве выхода из которых человек выбирает суицид. Результаты эмпирического исследования методическим инструментарием которого на первом этапе служил тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО) в редакции Д.А.Леонтьева, показали

наличие у суицидентов более низких показателей осмысленности жизни по сравнению с людьми, не имеющими склонности к суицидальному разрешению жизненных кризисов. Такая низкая степень осмысленности жизни проявляется у суицидентов по-разному. Так, у одних отсутствуют ясные, осознаваемые цели в жизни, которые могут придать ей осмысленность, направленность и временную перспективу. Другие люди, выбравшие суицидальный способ разрешения сложной ситуации, низко оценивают саму свою жизнь, поскольку не воспринимают ее как наполненный смыслом процесс. Многие суициденты низко оценивают прожитую часть жизни, что проявляется у них в невысокой степени удовлетворенности самореализацией. И, наконец, у большей части людей, склонных к суицидальному поведению, наблюдаются низкие показатели локуса контроля, что свидетельствует о том, что они либо считают себя неспособными оказывать влияние на течение своей жизни, либо полагают, что такой контроль над ней в принципе невозможен (Ефимова О.И., Козицина Е.В., 2001).

Однако смысло-жизненные ориентиры, выступившие предметом нашего исследования на первом его этапе, не охватывают всю ценностно-смысловую сферу личности в многообразии ее характеристик и проявлений. Поэтому на втором этапе в качестве методического инструментария были использованы Методика ценностных ориентаций Рокича, Методика «Ценностный спектр», Метод мотивационной индукции (МИМ), разработанный Ж.Нютеном, позволяющие наиболее полно и адекватно исследовать особенности ценностно-смысловой сферы аутоагрессивной личности. Результаты диагностики основной и контрольной групп с помощью методики «Ценностный спектр» свидетельствуют о существовании значимых различий в оценке испытуемыми таких категорий, как необходимость жизни, необходимость смерти, необходимость человека; уникальность прошлого; смысл настоящего; полнота будущего, смысл будущего (уровень значимости $p < 0$), полнота жизни, уни-

кальность жизни (уровень значимости $p < 0,05$). У суицидентов наблюдается уменьшение «плюсов» жизни и возрастание «плюсов» смерти – смерть перестает пугать человека, а жизнь становится чем-то угрожающим, «необходимым», когда человек ощущает, что живет потому, что просто «надо жить» (даже если жизнь не доставляет ему радостей). Результаты оценки полноты жизни показывают, что суициденты существенно реже оценивают жизнь как полную (заполненную интересными делами, «непустую»). Подобная низкая оценка этой категории ранее выявилась и у лиц с гетероагрессивными формами поведения (Васильева Ю.А., 1995).

Также суициденты существенно реже приписывали жизни такую характеристику, как уникальность, что, вполне вероятно, обуславливает суицидальную активность. У них наблюдается слабая ориентация на будущее, что проявляется в недооценке полноты будущего, его самодостаточности и смысла. Интересно отметить, что суициденты значительно чаще по сравнению с контрольной группой при оценке человека используют такие характеристики, как легкость, необходимость и простота. Таким образом, у людей с аутоагрессивными формами поведения наблюдается некоторое упрощенное восприятие человека, которое сочетается с признанием некоей обреченности, необходимости человеческого существования.

В результате обработки данных по методике «Ценностные ориентации» (при использовании коэффициента ранговой корреляции Спирмена) была выявлена высокая положительная корреляция ($r = 0,82$) между терминальными и инструментальными ценностями суицидентов и людей контрольной группы (уровень значимости $p < 0,01$). Основные расхождения между иерархиями терминальных ценностей суицидентов и испытуемых контрольной группы приходится на такие ценности, как «общественное признание» и «уверенность в себе». Так, суициденты более высоко по сравнению с людьми контрольной группы оценивают обществен-

ное признание и значительно ниже ценят уверенность в себе. Гипотетический психологический механизм связи данных эмпирических индикаторов с суицидальным выбором можно представить следующим образом. Терпя неудачи в жизни, попадая в кризисные ситуации, когда велика вероятность получить низкую оценку в глазах других людей, человек, не будучи уверенным в своих возможностях конструктивными способами справиться с кризисом, выбирает единственный, на его взгляд, возможный выход – суицид.

Следует отметить, что результаты, полученные по всем использованным методикам взаимодополняют друг друга, позволяя сделать важные выводы, о влиянии особенностей ценностно-смысловой сферы личности на выбор аутоагрессивных форм поведения.

Структура смысло-жизненных ориентаций, наряду с представлением человека о себе, могут рассматриваться в качестве психологических показателей степени адаптации в постсуицидальном периоде. Результаты проведенного нами совместно с И. Балдуевой эмпирического исследования свидетельствуют о том, что, если на первом этапе исследования различия в показателях осмысленности жизни контрольной группы и подгруппы высокого уровня адаптации существенно отличались, то в позднем постсуициде нарушения в структуре смысла жизни нормализуются и значимо не отличаются от показателей контрольной группы. Напротив, у испытуемых в подгруппе с низким уровнем адаптации показатели структуры смысло-жизненных ориентаций ухудшаются либо остаются прежними и существенно отличаются от показателей контрольной группы. Выявленные достоверные отличия по таким показателям самооценки как Оценки и Силы в раннем постсуицидальном периоде позволяют нам сделать вывод о частичной реадaptации суицидентов на данном этапе, в тоже время преобладание высоких и средних значений по этим же показателям самооценки в позднем постсуицидальном периоде свидетельствует о положительном развитии процесса адаптации. Результаты исследования самооценки свидетельствуют о том, что даже по прошествии времени после совершения попытки суициден-

ты из данной подгруппы не удовлетворены собственным поведением, не уверены в себе, зависимы, склонны рассчитывать на помощь со стороны в трудных жизненных ситуациях, существует риск повтора суицидальной попытки. Конечно, это предварительные результаты, которые требуют дальнейшего изучения суицидального поведения в целом и постсуицидального периода в частности, однако первые шаги по выработке объективных диагностических критериев суицидального риска, на наш взгляд, сделаны.

Несмотря на существование определенных традиций в области изучения атрибутивных процессов пока еще недостаточно эмпирических исследований междисциплинарного плана, ориентированных на изучение особенностей атрибуции в сложных жизненных ситуациях. Проведенное нами совместно с И. Михайловой исследование было направлено на изучение таких составляющих атрибуции как самоотношение и особенности построения образа другого. Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, приписывая себе такую характеристику как благополучность, люди отмечают, что одной из причин этого благополучия является хорошее, эффективное и конструктивное общение и взаимодействие с окружающим миром. И наоборот, испытуемые, которые воспринимают себя как неблагополучных, отмечают, что у них нарушено общение и взаимодействие с окружающим миром, в частности, с родными и знакомыми.

В данном исследовании приняли участие 155 человек в возрасте от 16 до 55 лет (2 экспериментальные группы и контрольная группа). В первую экспериментальную группу вошли люди, предпринявшие суицидальную попытку и проходившее стационарное лечение в токсикологическом отделении Ульяновской больницы скорой медицинской помощи. Вторая экспериментальной группой была составлена из клиентов Центра психологической помощи семье и детям и клиентов областного центра занятости молодежи, которые имели, в основном,

финансовые проблемы или испытывали сложные жизненные ситуации, но не обращались за профессиональной помощью. Контрольная группа была выровнена с экспериментальной группой по всем параметрам.

Испытуемые экспериментальных групп проявили себя как доминантные, энергичные, успешные в делах. Они требуют к себе уважения, могут быть нетерпимы к критике. Им в большей мере свойственна переоценка собственных возможностей. Можно предположить, что авторитарные и доминантные черты, являются одним из способов разрешения конфликтов и сложной жизненной ситуации. Вместе с тем данный способ разрешения критической ситуации не является удовлетворительным и эффективным. Возможно, именно поэтому, такие люди чаще обращаются к психологу за профессиональной психотерапевтической помощью, в отличие от лиц, совершивших суицидальную попытку, у которых ярко проявляется такая личностная характеристика, как зависимость.

Агрессивный тип общения в большей степени проявляется у испытуемых второй группы. У испытуемых первой группы, часто наблюдается враждебность по отношению к внешнему миру, в результате чего испытуемые, у которых доминирует агрессивность, часто испытывают чувство одиночества, что кажется им невыносимым и в свою очередь вызывает эскалацию раздражения.

Испытуемые, переживающие критические ситуации, характеризуются отчужденностью по отношению к враждебному и злобному миру. Они очень подозрительные, крайне обидчивы, склонны к сомнению во всем, злопамятны, постоянно жалуются на всех. Особенно данные характеристики присущи испытуемым второй группы.

Одновременно существуют результаты, которые свидетельствуют о такой личностной характеристике испытуемых экспериментальных групп, как зависимость от референтного окружения, социального мира, ситуации, т.д. Ярче эта черта проявляется в группе испытуемых, совершивших попытку

суицида, нежели в группе лиц, переживающих критические ситуации. Такие люди очень не уверены в себе, имеют навязчивые страхи, опасения, тревожатся по любому поводу, поэтому зависимы от других и чужого мнения.

Прорабатывая и анализируя привычные модели общения и взаимодействия с референтным окружением, психолог может помочь клиенту вырабатывать новые, возможно более эффективные модели общения, поведения и взаимодействия с окружающими.

В эмпирическом исследовании Горбоконенко Н.В. проводилось сравнение показателей социально-психологической компетентности лиц с ауто- и гетероагрессивным поведением. Данное направление представляется нам весьма перспективным не только из-за отсутствия в современной психологической науке единой объяснительной модели саморазрушающего и гетероагрессивного поведения. Компаративные работы весьма актуальны также для практической психологии в плане изучения взаимовлияния ауто- и гетероагрессивного поведения как в рамках отдельной личности (часто эти явления соседствуют), так и в межличностных отношениях (иногда ауто- и гетероагрессивное поведение имеет одни и те же социальные причины возникновения) (Ефимова О.И., Горбоконенко Н.В., 2001).

При сравнении параметров социально-психологической компетентности суицидентов и заключенных были выявлены следующие статистически значимые различия. Люди, совершившие суицидальную попытку (аутоагрессивные), продемонстрировали более высокий уровень зависимости от других, меньшую самостоятельность и неоригинальность как в принятии решений, так и в их выполнении. Агрессивные личности были, наоборот, более независимыми, самостоятельными и оригинальными (уровень значимости $p < 0,05$). Следовательно, такая социально-психологическая характеристика личности, как конформность, во многом определяет направленность деструктивных тенденций человека.

Структура отношения гетероагрессивных людей к окружающим характеризуется сниженным (по сравнению с аутоагрессивными) уровнем интереса и внимания, что, вероятно, может являться одной из причин направленности деструктивных реакций вовне – на других людей, до которых агрессивному человеку «нет дела», личностные особенности и интересы которых он никак не учитывает в своем поведении (уровень значимости $p < 0,05$).

***

Результаты всех эмпирических исследований в очередной раз заставляют нас задуматься над тем, сможет ли наука, когда-либо ответить на вопрос о том, *что* переживает человек, стоящий перед экзистенциальным выбором между жизнью и смертью и в итоге выбирающий смерть? Как практически нереальна первичная превенция суицидального поведения, так и невозможно проведение отвечающего абсолютно всем требованиям современной науки гуманитарного исследования внутреннего мира суицидента *перед* совершением истинного суицида, который лишь по счастливой случайности может стать незавершенным. Как же разрешить эту дилемму между невозможностью полностью воссоздать и эмпирическим путем изучить предсуицидальный этап и в то же время необходимостью и значимостью такого рода исследований? Видимо, исследователи должны выбирать такие экспериментальные и аналитические методы, которые косвенным образом будут адекватно отражать психологические характеристики суицидента. Надеемся, что наши эмпирические исследования, если и не ответили на все поставленные вопросы, то хотя бы приблизили понимание природы и сущности суицидального поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. О самоубийстве. – М., 1992.
2. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности у лиц с нарушениями социальной регуляции поведения. Дисс... канд. психол. наук. - М., 1995.
3. Дымнова Т.И. Зависимость характеристик супружеской семьи от родительской // Вопросы психологии, 1998, №2.
4. Ефимова О.И. К вопросу об эффективности реабилитации после суицидальной попытки. В сб. «Социально-психологическая реабилитация населения, пострадавшего от экологических и техногенных катастроф». Материалы VIII Международной конференции. Минск, 2001.
5. Ефимова О.И., Козицина Е.В. Диагностика и коррекция смысло-жизненных ориентаций в профилактике суицидального поведения // Социально-психологическая реабилитация населения, пострадавшего от экологических и техногенных катастроф. Материалы VIII Международной конференции. - Минск, 2001.
6. Ефимова О.И., Горбоконеко Н.В. Гетеро- и аутоагрессия как деструктивные формы поведения // В сб. Развитие аэрокосмических знаний в XXI веке. Ульяновск, 2001.
7. Ефимова О.И., Михайлова И.В. Эмоциональные и личностные корреляты переживания психологического кризиса. В сб. Развитие аэрокосмических знаний в XXI веке. Ульяновск, 2001.
8. Кроник А.А., Кроник Е.А. Психология человеческих взаимоотношений. М., 1998.-203с.
9. Леонтьев Д.А. Психология смысла. 1999. -С. 154.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М., 1990.
11. Чудновский В.Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» и «внутреннего» // Психологический журнал, 1995, Т.16, N2.

12. Цапкин В.Н. Личность как группа – группа как личность // МПТЖ, 1994, №4.
13. Maris R.W. Social and familiar risk factors in suicidal behavior // The public clinics of America, V20, №3, 1997.

SUICIDE BEHAVIOR: EXPERIENCE AND PERSPECTIVES OF THE RESEARCH

©2003 O. Efimova

The State University of Ulyanovsk

The results of our complex research show that a suicide in its every form is a bio-social phenomenon, which unites a lot of social, cultural and psychological variables. The results of the wide poll allowed us to identify characteristics of the group with high suicidal risk. These characteristics are the following: the age factor, gender factor and loneliness. People from the risk group have experienced different losses during the last years. One of significant factors is «Unsatisfaction with his or her past and present life».

The investigation of value-meaning structure of a suicide proves that suicides often do not have any life-purpose. They do not treat their own life as a meaningful process. They think of their own disability to influence their lives or think that such a control is absolutely impossible.

We investigated how the system of intimate relationships influenced the personal way of behaving in difficult situations. According to the results of this investigation self-destructive behavior is mostly determined by the contradictory style of upbringing.